

К.А. Очеретяный

Делегированная перцепция: технические модификации чувственного переживания*

Очеретяный Константин Алексеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, д. 4; e-mail: ocherk.on@yandex.ru

В статье рассмотрены модификации чувственного опыта человека в культуре. Поскольку человек обладает не только органическим телом, но также и неорганическим телом – арсеналом используемых им технических средств, чувственность человека, укорененная в его биологической природе, получает свое оформление в технологических образцах. Посредством техники, будь это даже примитивная техника подражания животным ради выживания или развитое ремесленное искусство, человек осуществляет прежде всего самого себя, претворяет себя в действительность. Поскольку изменения форм чувственности совпадают со сменой технологий, технические условия получения, записи, хранения и трансляции информации определяют доступный человеку опыт мира и стили его переживания. Существенные моменты в опыте повседневности открывают и оформляют информационно-коммуникационные технологии. Дополняя и трансформируя друг друга, техника устного рассказа, техника письма, оптические медиатеchnологии (в самом широком спектре от научных приборов до фотографии и телевидения), современные интерактивные цифровые технологии (даже компьютерные игры) прокладывают границы чувственного переживания, доступного человеку: границы привычного и понятного – того, что ориентирует его в мире. В статье используется метод историко-понятийной реконструкции: конкретные исторические примеры выступают одновременно и смысловыми моделями, в рамках которых осуществляется демонстрация и интерпретация того, как техники, используемые человеком, модифицировали его чувственный опыт. Поставить в историко-понятийном ключе проблему технологического оформления и выражения чувственного опыта человека означает также наметить вопросы о том, какие образы, модели, техники, обживают наши тела сегодня – в эпоху цифровых медиа, какой мир они создают, по каким правилам осуществляется восприятие, осознание и переживание этой действительности? Анализ воздействия техники на формы чувственного переживания открывает путь к осознанию современной ситуации экспансии медиареальности – позволяет прояснить ее истоки, историю становления, характерные черты.

Ключевые слова: чувственность, медиареальность, письмо, фотография, оптические медиа, техника

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ. Проект «Новый тип рациональности в эпоху медийного поворота» № 16-18-10162, СПбГУ.

Человек – существо с неорганической конституцией. «Этимология понятия “техника” <...> указывает на свой источник в языке, мышлении и мировоззрении древних греков. Следуя за этимологией, мы с самого начала найдем индоевропейскую основу, которая произносится приблизительно *tekr* и означает деревообработку или плотницкое ремесло. <...> У древних греков эта основа появилась рано в *tekton*, “строителе” и “плотнике”, уже известном Гомеру и почитаемом в его стихах. Этот *tekton* сохраняется в “*architect*” – “архитектурный”, и “*tectonic*” – “конструктивный”. Но к *tekton* принадлежит важное слово “*techne*”, которое означает искусство или мастерство плотника и строителя, а в более общем плане – искусство во всякого рода производстве. Это слово затем приобретает значение, с одной стороны, мастерства и ремесла всякого рода, с другой – способности изобретать стратегемы и вычерчивать планы и вообще “ловкого, искусного; махинации”»¹. Сегодня мы говорим о машинной технике, компьютерной технике, но также справедливо употребляют слово «техника», когда говорят о технике кулачного боя или о технике танца. Во втором случае «техника» – это телесный навык, умение, или искусство. В первом случае «техника» – это отчуждение и овеществление телесного навыка или интеллектуального проекта. Поскольку слова «машина» и «махинация» этимологически родственны, а цели человека, заключаются порой в том, что прямо противоположно ходу природы, то машина и есть овеществленная махинация, объективация некой хитрости – искусства обманывать природу, обращать ее против нее самой. Но что если техника как наше умение (искусство) и машинная техника (даже компьютерная) – это не две разных техники, но нечто единое или, по крайней мере взаимно обратимое? Тогда мы можем говорить о том, что технологии, доминирующие в ту или иную эпоху, определяют и техники человека: мыслительные и телесные техники как совокупность повседневных навыков? Что если проблема стоит даже более остро? Например, что если высокие технологии современного мира, как и технологии доминирующие в прошлые эпохи, определяют опыт мира, доступный человеку, его способы непосредственного чувственного переживания этого мира?

Первым объектом, преобразованным человеком, было его собственное тело; первые доступные человеку техники – телесные техники. Каким-то образом человеку удалось увидеть свое тело извне как нечто «незавершенное», как нечто, что еще только предстоит освоить. Другие живые существа – «центричны», центр их органического тела является одновременно их сущностным центром, они укоренены в природном мире. Человек позиционально «эксцентричен», поскольку центр его органического тела не является средоточием его существа. Животные идеально встроены в свои тела: принадлежат порядку природы, они во многом есть «только тела» – «соматические автоматы». Человек как существо отчасти «денатурализованное», выведенное из порядка природы и введенное в порядок культуры, хронически открыт горизонту внеположных природе смыслов. Он не столько «заключен» в теле, сколько перенимает его как сумму навыков. На ранних этапах развития человека мы видим, как он подражает животным, перенимая их телесное поведение в качестве схемы ориентации в действительности: ради выживания, избегания опасных территорий,

¹ Шадевальд В. Понятия «природа» и «техника» у греков // *Философия техники в ФРГ*. М., 1989. С. 97.

обучения способам добывания пищи. Таким образом, в своих истоках техника была ориентирована на выведение сущего из небытия в бытие, на осуществление, на сотворение действительности – действительности самого человека.

Постепенно отчуждаясь от тела человека, техника по видимости лишилась статуса телесного или мыслительного навыка: начиная с промышленной революции техника стала ассоциироваться с машинами, затем наступила эра автоматизированной техники, а с развитием в XX в. информационных компьютерных технологий заговорили уже не только о машинном автоматизме, но и об искусственном интеллекте. И тем не менее, поскольку техника в своем сущностном истоке была сопряжена не с преобразованием мира вокруг человека, а с трансформацией мира самого человека (в том числе способов его понимания и переживания себя), даже изъятая из телесности человека, овеществленная в автоматах и саморегулирующихся машинах она не теряет контроль над его психофизиологическим существом, продолжая определять смысловую перспективу переживаемого и чувствуемого. Наш чувственный опыт, перцепция, схватывающая «непосредственно переживаемое», оказывается неизменно делегированной: ее форма находится в прямой зависимости от неорганической конституции человека, от арсенала используемых им технических средств. Изменение форм чувственности так или иначе сопряжено с изменением технологий.

Мир, развернутый в слове: почему пользование словом более присуще человеку, чем пользование телом? Рассмотрим, одновременно исторически и аналитически, как происходила трансформация форм чувственности. Каждый пример будет раскрывать нам тот или иной аспект проблемы и одновременно приближать к современной ситуации высокотехнологичного компьютеризированного мира.

Начнем с архаики и античности. Обычно предмет считается данным в чувственном опыте, если удастся локализовать его в пространстве и времени, коснуться его, ощутить его материальность. Материальность вещи для нас как бы отождествляется с действительностью вещи. Для архаического сознания все обстояло несколько иначе. Действительность здесь задавалась не материей, а формой, т. е. смысловым обликом вещи, который допускал различные степени совершенств, дифференцированные уровни реальности. Вещь, причастная реальности, – это вещь, введенная в архаический космос, в пространство смысла. Поэтому сложный о вещи рассказ, оказывается порой важнее, чем простая физическая обработка вещи, ведь техника физической обработки вещи еще связана с материей, техника составления рассказа уже только с формой. Иными словами, предмет тем более реален, чем в большем количестве памятных событий он был задействован, чем больше о нем было рассказано, тем больше он причастен бытию. Характерная черта архаического понимания реальности сохраняется еще у Гомера. Когда в «Илиаде» и «Одиссее» необходимо ввести в повествование новую вещь, утварь, предмет обихода (будь это даже в пылу сражения), время повествования замирает, уступая место скрупулезному описанию предмета², его происхождения, биографии его изготовителя, образа жизни первого владельца: такое нанизывание смысловых пластов как бы наделяет предмет действительностью, дает ему сбыться, а совокупность рассказанного определяет интенсивность чувственного переживания.

² Ауэрбах Э. Мимесис: изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 26.

В известном эпизоде платоновского «Тимея» греки названы египетским жрецом детьми³. Греки не ведут хронологическую запись, а потому в глазах египтянина лишены исторической памяти и обречены на вечное возвращение одного и того же, но для грека классической эпохи такая замкнутость вовсе не означает обреченности на блуждание в порочных циклах повторения, напротив, она означает концентрацию внимания, вовлеченность в настоящее, полноту переживания. Грек доверяет живой памяти, памяти рассказов, анекдотов, сплетен. Если мы читаем у Геродота о гигантских муравьях, нападающих на кладоискателей в Индии, и о крылатых змеях, воющих с ибисами в Аравии, а у Аристотеля находим информацию о журавлях, нападающих на пигмеев-троглодитов в болотах верхнего Египта, то не стоит делать поспешный вывод об излишней доверчивости античных авторов. Дело в том, что как для Геродота история есть «то, что было рассказано», как для Аристотеля биология есть сумма речей о живом, так и для их современников-греков мир – это мир, раскрытый в слове, это сказанное о мире, это мир живой постольку, поскольку он был открыт в живых речах. Чувственное переживание определялось словом, а сила его воздействия регулировалась техникой рассказа. С точки зрения античной риторики, хорошо сложенная речь подобна живому существу, но и особая чуткость древнего грека к слову, всеобщий интерес к словесным баталиям, спорам и прежде всего к рассказам позволял верить, что история живет, переходит от одного рассказчика к другому, потому что она фиксирует существенный опыт. Моряки из дальних стран рассказывают удивительные истории, но по молчаливому согласию античных авторов, этим историям стоит поверить, даже если они звучат абсурдно, ведь в любом случае этими историями живут в том регионе, о котором сообщили моряки. В то же время, если охотники и рыболовы передают мифы, то к их историям о животных, также следует прислушаться, т. к. они определяют опыт повседневности этих людей. Об этом в своей «Риторике» говорит Аристотель, отмечая, что «пользование словом более присуще человеку, чем пользование телом»⁴.

Опыт слова подчинял себе весь сложный спектр чувственности. Даже письменные труды предназначались «для чтения громко вслух либо рабом, который будет декламировать их своему хозяину, либо самим читателем, потому что в античности чтение обычно заключалось в декламации, подчеркивая ритм периода и звучность слов, которые автор смог уже прочувствовать сам, когда он диктовал свое сочинение»⁵. У современного читателя вызывает недоумение эпизод из «Истории» Геродота, где описывается получение будущим персидским царем Киrom секретного послания. Послание может стоить жизни Киру, если о его содержании станет известно стражникам-опекунам. Поэтому послание зашивают в тело убитого на охоте зайца и передают как подарок охотника. Чтобы ознакомиться с письмом, Кир предпринимает все меры предосторожности: ограждает себя от возможных свидетелей, уединяется в тайном помещении, закрывает толстые двери и... осторожно читает секретное послание вслух! Для современника Геродота, очевидно, что Кир не мог прочитать письмо «про себя», неозвученное слово не обрело бы смысл. Кир просто не

³ Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 426.

⁴ Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 18.

⁵ Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб., 2005. С. 251.

понял бы письмо, не проговорив его⁶. Спустя почти 1000 лет после смерти Геродота молодого Аврелия Августина все еще удивляет способность Амвросия, епископа Медиоланского, читать, не шевеля губами и не произнося читаемого вслух⁷. А спустя еще 900 лет два персонажа «Божественной комедии» – Франческа да Римини и брат ее мужа Паоло Малатеста – читают вслух красочную сцену описания любовных терзаний Ланселота. Вчитываясь в текст, переводя написанное в форму живого диалога двух сердец, они начинают постепенно переживать чужую историю как свою, заражаются искусственным чувством (чувством, описанным крайне схематично, по общим приемам авторов рыцарских и куртуазных романов того времени) и с неизбежностью погружаются в пучину страстных мук. Там, во втором круге Ада их и находит Данте.

Последний пример показателен. Внешне следуя древней традиции, он отражает и древний страх – страх перед дезориентацией в действительности, страх потеряв слово потерять и себя. Платон заметил, что записанные речи все время отвечают одно и то же: они не способны поддержать беседу⁸, напоминают истуканов. Таким истуканом становится и человек, вживающийся в письменные речи. Доверившийся письму, он уже не владеет словом, не может отвечать моменту, а потому не способен быть в настоящем, в сообществе, в единстве смыслового целого. Письмо заставляет его чувствовать то, чего нет, и лишает чувствительности к тому, что есть. Для грека понимание целого как космоса – прекрасного и соразмерного порядка, являющего свою меру в пространстве, это еще возможность легко обзирать смысловое целое. Письмо угрожает лишить грека такой свободы: космическую пространственную собранность оно заменяет временной открытостью, смысл теперь не усматривается в настоящем, а сбывается, приходя из будущего.

Письмо – технология чувственного переживания события: действительного, воображаемого, символического. Неоднократно отмечалось, что письмо как техника или, точнее, как медиатехнология (т. е. как искусство повествования, технология производства смыслов и одновременно особая культурная техника – способ ориентации человека в мире) преобразует чувственный опыт человека, делая далекое близким, а чаще даже делая отсутствующее присутствующим, мнимое – действительным. Происходит это в силу того, что письмо кардинально изменяет переживание времени и опыт пространства.

К ранним пифагорейцам восходит традиция рассматривать движение по прямой линии как несовершенное и иррациональное, а движение по кругу, напротив, как совершенное, поскольку ему соответствует движение небесных, тел не нарушающее гармонии однажды проложенных путей. Такой гармонии должна уподобиться и разумная душа. С этим согласились бы и носители архаического сознания. Согласно этому сознанию природа живет циклами, возвращением «на круги своя». Уподобление этому движению – путь к счастливой жизни. Но письмо, подразумевающее «линейное движение взгляда», последовательность развертывания сообщения, ожидание результата, разрывает циклы времени, переводит переживание в измерение «прямой перспективы» – открытости неизвестному. Мир архаики определен опытом прошлого: и природа

⁶ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 51–52.

⁷ Августин. Исповедь. СПб., 2013. С. 74–75.

⁸ Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 187.

на своих путях, и человек в своей деятельности возвращаются к архетипам, получают в них свое обновление и оправдание. Письмо, трансформируя переживание времени и пространства, изменяет саму чувственность человека – он становится более чуток к тому, чего нет в данный момент, чем к тому, что находится перед ним. Теперь он рассматривает настоящее время не как действительность, а как пролог к будущему, вещи, имеющиеся в его распоряжении, события, случившиеся с ним, рассматриваются не как полноценная реальность (т. е. ценная сама по себе), но как средства для достижения подлинной реальности, для осуществления себя в будущем.

Ближайшим к нам примером трансформации опыта человека дописменной культуры при появлении письма, является случай, зафиксированный К. Леви-Строссом в общине индейцев намбикавара. Желая познакомить индейцев с техникой письма, Леви-Стросс роздал им листы бумаги и карандаши, а также показал, как осуществляется запись. Почти у всех членов общины дело дошло только до внешней имитации – индейцы проводили волнистые линии на бумаге и скорее рисовали, чем писали. Все, кроме вождя. Тот пошел дальше. Он оказался единственным кто, пусть и по-своему, но все же понял назначение письма. Вождь взял исписанные волнистыми линиями листы и, подражая Леви-Строссу, который чуть ранее зачитывал вслух список, имеющихся у его экспедиции предметов для обмена, стал озвучивать перечень необходимого. Он проговаривал свои желания, полагая, что внесенное таким образом в список в конечном счете окажется в его распоряжении⁹. Из этого примера видно, что вместе с опытом письма к индейцам приходит осознание силы лжи, таящейся в технологии письма, происходит необратимое изменение их жизненного мира, циклично возобновляемое настоящее открывается к проективному будущему. Неудивительно, что традиционные общества, замкнутые в полноте настоящего, опасаются внедрения информационно-коммуникационных техник, трансформирующих переживание времени и пространства. Поскольку время традиционных обществ – это время, собранное в полноте настоящего, а время, открываемое письмом, – это время истории, время, рассеянное между прошлым и будущим, то трансформация в переживании времени угрожает радикально изменить смысловой горизонт опыта – сферу привычного и понятного, угрожает разложить социальное тело, уничтожить настоящее как действительное. Члены архаических сообществ пытаются жить согласно циклическому времени природы, воспринимая его как время, неизбежно возвращающее всякое разворачивание события к исходной точке, где оно получает новую жизненную силу. Время же истории мыслится как время дурной бесконечности, как нечто бесосновное, иррациональное, жуткое. Даже на наиболее непосредственном уровне, на уровне чувственного переживания действительность начинает восприниматься как набор хрупких вещей, скоротечных судеб, как царство случая.

Не будет преувеличением сказать, что время Средних веков, время, структурированное письмом как медиатехнологией, придало новый позитивный вектор чувствительности к уникальности и необратимости случившегося, открыв путь новым способам осмысления и переживания события. Грехопадение

⁹ Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1984. С. 161–163.

искажило мир, но не сокрушило его, мир лежит в руинах и, тем не менее, он прекрасен по своему замыслу. Красота как бы рассеялась в природе, но след божественного определения еще лежит на всем сотворенном, всякий пустяк может обрести свой смысл в свете целого. Всякая мелочь (в том числе и «жизненные мелочи») указывает на это целое как на свой исток и свое оправдание: умение читать эти следы как знаки мировой судьбы – это путь молитвенного преобразования, путь спасения. Действительность письма как послания, как обетования, как Завета истолковывает то, что есть (а именно мир) как период искаженного существования от грехопадения до пришествия Христа, от Воскрешения до всеобщего восстановления природы и человека. Время Средних веков – это мессианское время – время ожидания Суда и Спасения, время, возвещенное откровением, время, в котором кристаллизуется Вселенское Событие. Все то, что встречается в жизни человека, имеет смысл не в самом себе, а в том, к чему (или к кому) оно отсылает, – к Богу как Истине. Мир становится книгой судьбы – откровением, посланием, доверительным письмом, которое должно дойти до адресата и сделать его причастным тайне спасения. Чувственное и сверхчувственное здесь как бы пронизывают друг друга в «диалектической симфонии», умножая оттенки значений и развертывая смысловой универсум средневекового человека. С одной стороны, факты настоящего как имеющегося в наличии отступают на второй план по сравнению с настоящим как должным¹⁰. С другой стороны, поскольку должное содержит в себе смысл налично-вещественного, само налично-вещественное имеет некую отсылку к должному. В конце концов, все сотворенное отражает славу Творца: как в зеркалах мы можем увидеть его образ в многочисленных отражениях. В этом заключается и путь к спасению – уподобление Богу, подражание Христу. Средневековый мир – символический универсум, вещи здесь, скорее, не эмпирические факты и материальные предметы, а символы – смысловые лики. Поскольку природа – это откровение Бога, а история – путь человека к Богу, весь чувственный опыт сводится к умению *читать* и *понимать*. В Евангелиях или их символических проекциях (соборная символика использовалась как азбука спасения для неграмотных) содержится ключ к спасению, который позволяет «расшифровать» мир, научиться ориентироваться в символической реальности, где каждый знак отсылает к иному и все они к своему Творцу.

Время приборов, время аппаратов: оптическая иллюзия и технологическая истина. Новое время («новое» в том числе и потому, что изменяется понимание времени) обвинила письменную культуру предшествующей эпохи в умножении мнимых сущностей. Примечателен в этом смысле пример Дон Кихота. Обычно полагают, что Дон Кихот сходит с ума от чтения книг, но в действительности это мир сходит с ума, пока Дон Кихот читает книги, насыщая свое сознание сюжетами романов: великие географические открытия символически обедняют средневековый мир, превращая эти сюжеты в фантастические.

¹⁰ Рассказывают, например, что Фома Аквинский как-то раз спорил с Альбертом Великим на предмет того, есть ли у крота глаза. Спор велся в саду, и когда садовник предложил поймать крота и посмотреть, есть ли у него глаза, то оба философа с пренебрежением отвергли предложение. Их интересовал не «частный случай», не крот как «эмпирический факт», а исключительно вопрос о том, входит ли в понятие «кротовости» понятие «зрения», и как соотносится понятие «обладание зрением» с понятием «обладание глазами».

Рене Декарт впоследствии заметит, что чтение древних книг «с их историями и вымыслами» делает человека чужим своему времени, своей стране¹¹. Неудивительно, что Декарт, как до него Галилео Галилей и Фрэнсис Бэкон, объявит единственной интересующей его книгой книгу природы. Но как читать эту книгу, не искажая ее лжеинтерпретациями? То есть как, не блуждая в мире фантомов и призраков, достичь опыта действительности – истинного опыта?

Признав, что книга природы написана на языке математики, Новое время приходит к радикальному переосмыслению чувственного опыта: опытным знанием является отныне не субъективное переживание, но лишь то знание, которое «добыто в соответствии с определенными правилами»¹². Отсюда недалеко и до вывода, согласно которому истина как «данные науки – это не то, что дано непосредственно чувствами, но их объективированное выражение, то есть эффект, полученный с помощью прибора»¹³. В конечном счете, вопрос стоит здесь о проведении новых границ человеческой чувственности: техника способна как обманывать чувства человека, так и открывать им истину. «Живописцы эпохи Коперника, как например Хольбейн, практикуют искусство, в котором анаморфозу, этому первому воплощению технического обмана чувств, в соответствии с механистическими интерпретациями оптики достается центральное место. Помимо смещения точки зрения зрителя для полного восприятия живописного произведения требуются теперь такие орудия, как стеклянные цилиндры и трубки, конические и сферические системы зеркал, а также увеличительные и прочие линзы. Эффект реального становится тайнописью, головоломкой, разрешить которую зритель может лишь с помощью игры света и дополнительных оптических приспособлений. <...> Пекинские иезуиты пользовались анаморфическими техниками как орудиями религиозной пропаганды, пытаясь произвести на китайцев впечатление и “механически” продемонстрировать им положение о том, что человек должен воспринимать мир как иллюзию мира»¹⁴.

Чувственное восприятие неизбежно попадает под условия новой технологической эпохи. В 1611 г. римский перипатетик Джулио-Чезаре Лагалла спорит с Галилеем о возможностях телескопа. Галилей увидел в телескоп, что поверхность Луны не ровная, а гористая, но для Лагалла допустить существование гор и долин на идеальной лунной поверхности значит признать существование еще одного мира и косвенно подтвердить осужденное церковью учение Джордано Бруно о множественности миров и бесконечности Вселенной¹⁵. Лагалла словно не до конца верит в возможности телескопа, он готов поверить в его непогрешимость, но только применительно к исследованию подлунной сферы. Колебания Лагаллы понятны. Изобретение микроскопа и телескопа грозит подменить сосредоточенное внимание рассеянным воображением¹⁶, грозит уничтожить имеющееся перед глазами, заразив человека жаждой видеть

¹¹ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 253.

¹² Бёме Г., ван ден Даале В., Крон В. Сциентификация техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 113.

¹³ Там же. С. 113.

¹⁴ Вирильо П. Машина зрения. СПб., 2004. С. 13.

¹⁵ Штекли А.Э. Галилей М., 1972. С. 149–150.

¹⁶ Бибихин В.В. Лес. СПб., 2011. С. 137.

все дальше и все больше. Существо с телескопом вместо глаз «было бы и во всем остальном совершенно иным, чем мы. Оно обладало бы совсем другими способностями в практическом использовании увиденного <...> Наверное, фундаментально другим было бы и восприятие времени»¹⁷. Микроскоп, как и телескоп, открыл человеку не видимый, но не менее сложный и чрезвычайно опасный мир – мир микрофлоры и микрофауны, мир грибов, бактерий, возбудителей болезней¹⁸. Вместе со способами видения и чувствования, понимания и восприятия, микроскоп изменил и наиболее повседневные представления человека. Вопросы гигиены, забота об экологическом равновесии организма, угроза вирусов – все это пришло в повседневность вместе с новыми оптическими технологиями. Однако главным следствием использования микроскопов и телескопов стал интерес к видению невидимого, к видению того, что обычно скрыто от взгляда: дальних звезд, микрофлоры и микрофауны, а также дальних стран и прошлого – развитие этого интереса к видению того, что не дается непосредственному взгляду, привело к возникновению фотографии.

Изначально фотография призвана была запечатлеть вещи такими, как они есть, это понимание звучит в русском «светопись»: вещи будто записывают сами себя с помощью света. Казалось, такая «объективность» была способна придать эпохе цельный облик на радикально новом техническом основании. Но впоследствии выяснилось, что фотография в большей мере работает с субъектом, чем с объектом. Фототехника – это психотехника, поскольку она открывает не столько образы вещей, сколько интонации состояний и настроений души. Размышляя о проблеме философии истории, Гегель отметил, что современное сознание «воспринимает и тотчас же преобразует все события в повествования, для того чтобы о них составлялось определенное представление»¹⁹. Гегель умер до появления первых снимков Дагера и Тальбота, однако фотографии вполне отвечают смыслу гегелевского высказывания и даже расширяют его, поскольку формируют состояния и представления в обход повествования. Если в дофотографическую эпоху повествование по мере своего развертывания создает представление, то представление, фиксированное фотографией, создает повествование как бы задним числом, благодаря своей эмоциональной составляющей. Зритель видит фотографию, переживает эмоцию и воображает историю, запечатленную фотографией в свете этой эмоции. Фотография делает далекое близким уже не только в смысле пространственной или временной близости, но прежде всего в смысле эмоционально-аффективной душевной близости. Со второй половины XX в. это эмоциональное измерение, открытое фотографией, будет эксплуатироваться и журналистскими видеорепортажами: эмоционально-близкое станет болезненно близким, почти насильственным. Отмечают, что в 70-х гг. XX в. телевизионные репортажи «из Вьетнама лишили американцев возможности довести войну до конца»²⁰.

Добавим, что с проникновением технических образов (компьютерных моделей, цифровых фотографий, электронных способов визуализации процессов/явлений/событий и т. д.) во все сферы действительности даже добытые в

¹⁷ Зиммель Г. Созерцание жизни // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 10.

¹⁸ Бибихин В.В. Указ. соч. С. 136.

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 59.

²⁰ Больц Н. Азбука медиа. М., 2011. С. 73.

научных целях образы попадают под диктатуру медиаформата. Ведь для того, чтобы бактерии, раковые клетки, структуры ДНК как «расхожие представления» могли обжиться в массовом сознании, их образы должны поразить, эмоционально травмировать это сознание. А для должного травматического эффекта им следует быть оформленным по правилам, предъявляемым медиасредой к медиаобъектам. Сами образы научных открытий в мире глянцевого журналов, Интернета, цифрового телевидения и кино должны являться визуальной медийной «сенсацией». И отсюда недалеко до подозрений дигитального искусства как кропотливого взаимодействия с цифровыми образами в том, что оно, по видимости, обслуживая естественные науки, в действительности регулирует и направляет их, руководит ими.

Однако обилие новостных и рекламных сюжетов, претендующих на то, чтобы войти в эмоциональную жизнь человека, стать ее частью, привели к концу XX в. к ситуации информационной перегрузки, сделав бесчисленное множество событий во всех точках мира одинаково значимыми и, как следствие, одинаково безразличными. Цифровые медиа отвечают этой ситуации, перенося акцент с информирования на вовлечение. Поскольку в эпоху новых медиа человек обнаруживает себя в состоянии информационного изобилия, осознанным, признанным и действительным для него может стать только то, что прошло через все его психофизическое существо, а именно то, что вызвало его интерес, было открыто его действиям и активно реагировало на них. Действительностью, таким образом, становится то, что можно пережить в заинтересованном взаимодействии: начинается время мобильных гаджетов, дополненной реальности, компьютерных игр.

В феномене компьютерной игры опыт современного «цифрового» мира находит свое наиболее отчетливое выражение. Именно она обеспечивает предельную заинтересованность взаимодействия. Неудивительно, что многие процессы, имеющие место в современном мире, стремятся облечь в увлекательный визуально-тактильно-интерактивный формат компьютерной игры. Как замечает М. Мерло-Понти, «привыкнуть к шляпе, автомобилю или трости – значит обустроиться в них или, наоборот, привлечь их к участию в объемности собственного тела. Навык выражает нашу способность расширять наше бытие в мире или изменять наше существование, дополняясь новыми орудиями»²¹. Ученые Д. Кирш и П. Маглио показали, что компьютерные игры позволяют нам объединить воображение и чувственность в визуально-технической форме, изменив скорость психических процессов, протекающих в нашем сознании. Например, физическое вращение фигурки в компьютерной игре Тетрис» в диапазоне от 0 до 90° с учетом времени, затраченного на нажатие кнопки, занимает 100 мс, в то время как подобное вращение фигурки, исключительно средствами воображения, не прибегающего к технической объективации, занимает более 1000 мс²². «К двум видам энергетики, обычно различаемым физиками, – а именно к потенциальной энергии, энергии покоя и кинетической энергии, вызывающей движение, – теперь, возможно, следует добавить третью, кинематическую энергию, связанную с воздействием движения и его

²¹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 192.

²² Kirsh D., Maglio P. On distinguishing epistemic from pragmatic action // Cognitive Science. 1994. Vol. 18. No. 4. P. 513–549.

большей или меньшей скорости на зрительные, оптические и оптоэлектронные восприятия», – заключает П. Вирильо²³. Фактически игра с ее скоростью, визуальной яркостью, интерактивностью становится путеводной нитью экспликации той логики, которая структурирует жизненный мир человека цифровой эпохи, когда за счет процедуры переноса игровых механик в неигровые контексты многие процессы, протекающие в общественной жизни – производство, труд, обучение, отдых, коммуникацию, даже войну, уже сложно отличить от их игровых аналогов, поскольку все это разворачивается на экранах мониторов и управляется посредством манипуляторов, подобных игровым.

Техника как способ ориентации человека в собственном теле. Кант показал, что существуют априорные формы чувственности и априорные формы мышления, Гегель критиковал сделанную Кантом классификацию форм мышления как систематизацию предрассудков. Можно ли сказать то же самое о чувственности? Отчасти да, поскольку переживание пространства и времени, хоть и не создаются (в сильном смысле слова) технологиями, но, вне всякого сомнения, трансформируются и модифицируются ими. Вместе с их изменениями преобразуется и весь чувственный опыт. Античный мир был создан устным словом, культурой памяти, переживания пространства как цельного и завершенного, времени как циклично-повторяемого – жизненный мир человека, его опыт здесь сопряжен с историями, циркулирующими в этом мире, именно они объединяют человеческое сообщество. Мир поздней античности (эллинистический период и время после римской экспансии) катастрофически расширился, «эксплозия» нового мира уничтожила классическую форму полиса, и «атопическому сознанию» потребовалась новая технология коммуникации: больше внимания стало уделяться культуре письма, к которой прежде относились с крайним подозрением. В свою очередь письмо открыло иное переживание времени, и это открытие во многом определило мессианские настроения, свойственные Средневековью. Однако такие характеристики, как неустойчивость и ненадежность, которыми средневековое мышление наделило опыт вещей и событий, привел к необходимости технических способов верификации. Так появляются приборы Нового времени, рассчитанные на перевод чувственного в объективированные выражения, в показания приборов – возникает интерес к видению невидимого. Этому интересу начинают отвечать фотография и кино: они как бы дополняют «понятийную сторону» техники («воображаемой стороной»), игрой иллюзии, затрагивающей аффективные аспекты человеческой личности. Со временем эффекты фотогении и кинематики преобразуют чувственный опыт человека настолько, что действительным начинает казаться лишь то, что совпадает с предметами и лицами, прошедшими «техническую переработку» и представленными в медиаформате. Современные способы интерактивной обратной связи, технологии «дополненной реальности», доступные на экранах смартфонов и планшетов, позволяют уже не только увидеть эти объекты, но и прикоснуться к ним, взаимодействовать с ними. Сегодня даже биологическое тело человека попадает в зависимость от образов тел, производимых техническими аппаратами, а телесные практики, осуществляемые человеком в его повседневности, актуализируются в качестве инструментальных и коммуникационных навыков лишь в той мере, в какой медиатехнологии транслируют и акцентируют их применение.

²³ Вирильо П. Указ. соч. С. 110.

Технологии, в том числе и современные цифровые медийные технологии, открывают человеку самого себя, выступая инструментом самопознания. Человек пребывает в неведении относительно того, какие чувства ему доступны, как их можно переживать, на что они будут направлены, до тех пор, пока модели этих чувств не будут явлены ему посредством используемых им технических устройств. В этом смысле можно говорить, что технологии, используемые человеком, учат его ориентироваться даже в собственном теле, учат осознавать свое психофизическое состояние, поскольку наделяют самое естественное и непосредственное (аффекты, эмоции) формой, языком, смыслом. Нам недоступно видение вещей, как бы далеки они от нас не были, вне той смысловой ауры, которая их окружает, но сама смысловая аура, часто ослепляет нас мнимой очевидностью.

Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что в акте выражения человеком своих состояний, сохраняется возможность соприкоснуться не только с панорамой того языка смыслов и символов, который здесь проговаривается и демонстрируется, но также и с теми технологическими условиями, которые, скрываясь в умолчании, делают возможным этот язык. Сегодня мы безапелляционно утверждаем, что видели нечто или слышали нечто, хотя в действительности только читали об этом, видели видео- или слышали аудиозапись. Современные медиатехнологии становятся нашими глазами и ушами, поскольку они конструируют взгляд и направляют внимание. Все это возможно именно потому, что опыт технологии для человека, по существу, является более ранним и более характерным, чем опыт собственного тела: на протяжении всей истории человека его телесная конфигурация (т. е. его понимание, восприятие, переживание себя как телесного существа, обладающего восприятием и чувственностью) явлена ему в зеркале технологий. Человек узнает ее как образец, модель, сумму практик, артикулированных техниками коммуникации, интеракции, трансляции информации.

Список литературы

- Августин*. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. СПб.: Наука, 2013. 371 с.
- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.П. Гайдамака М.; СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. 320 с.
- Аристотель*. Риторика / Пер. с древнегреч. Н. Платоновой // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–164.
- Ауэрбах Э.* Мимесис: изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. Ал. В. Михайлова. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
- Бёме Г., ван ден Даале В., Крон В.* Сциентификация техники / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, В.Г. Горохова, Ю.Б. Тупалова, А.О. Сейдалиной // Философия техники в ФРГ / Под ред. Н. Игнатовской и В. Леонтьева. М.: Прогресс, 1989. С. 104–131.
- Бибихин В.В.* Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
- Больш Н.* Азбука медиа / Пер. с нем. Л. Ионина, А. Черных. М.: Европа, 2011. 136 с.
- Вирильо П.* Машина зрения / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2004. 144 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия истории / Пер. с нем. А.М. Водена. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
- Геродот*. История в девяти книгах / Пер. с древнегреч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Пер. с фр. Г.Г. Слюсарева // *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250–296.

Зиммель Г. Созерцание жизни. Четыре метафизические главы / Пер. с нем. М.И. Левиной и А.М. Руткевича // *Зиммель Г.* Избранное: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 1996. С. 7–185.

Леви-Стросс К. Печальные тропики / Пер. с фр. Г.А. Матвеевой; науч. консультант и авт. предисл. Л.А. Файнберг. М.: Мысль, 1984. 220 с.

Мерло-Понти М.М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. А. Маркова, Д. Калугина, Л. Корягина и др. СПб.: Ювента; Наука; Gallimard, 1999. 603 с.

Платон. Тимей / Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева // *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421–500.

Платон. Федр / Пер. с др. греч. А.Н. Егунова // *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 135–191.

Шадевальд В. Понятия «природа» и «техника» у греков / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, В.Г. Горохова, Ю.Б. Тупталова, А.О. Сейдалиной // *Философия техники в ФРГ* / Под ред. Н. Игнатовской и В. Леонтьева. М.: Прогресс, 1989. С. 90–103.

Штекли А.Э. Галилей М.: Молодая гвардия, 1972. 384 с.

Kirsh D., Maglio P. On distinguishing epistemic from pragmatic action // *Cognitive Science.* 1994. Vol. 18. No. 4. P. 513–549.

Delegated perception: technical modification of sensory experiences

Konstantin Ocheretyany

CSc, Senior Lecturer. Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. 4 2nd Krasnoarmeiskaia Str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: ocherk.on@yandex.ru

The article describes the modification of sensual experience in human culture. Since a human is not only a being that has an organic body, but also a being that has an inorganic body (that means arsenal of the technical means used by him determine his life sometimes even more stronger than his biological structure) the sensuality of the human rooted in his biological nature receives the articularisation in technological samples. By means of the technology equipment, be it even primitive technology of imitation animals for the sake of survival or the developed craft art, or even machine-mechanic and computer-digital technology, the human creates first of all himself, implements himself into reality. Changes of sensuality forms are parallel to the change of technologies, mainly of record, storages and broadcasts of information technologies. Supplementing and transforming each other the technician of the oral story, technology of the letter, optical media technologies (in the widest range from scientific devices to the photo and television), modern interactive digital technologies (even computer games) lay borders of the sensual experience available to the human: borders habitual and clear – what orients it in the world. In article the method of historical and conceptual reconstruction is used: specific historical examples act at the same time as semantic models within which demonstration and interpretation of how the technicians used by the person modified his sensual experience is performed. To deliver a problem of technological registration and expression of sensual experience of the person in a historical and conceptual key means also to plan questions of what images, models, technicians, make habitable our bodies today – during the era of digital media, what world they create, by what rules perception, understanding and experience of this reality is performed? Vision of things is unavailable to us, they weren't as if far from us, out of that semantic aura which surrounds them, but the semantic aura, often blinds us imaginary self-evidence. As semantic completeness, as expression of reality in images, symbols, models,

technology belongs to both our experience of the world and experience of ourselves. Today when even the biological body of the human becomes dependent on images and techniques of the bodies made and translate by technical devices, understanding of technology allows us to see another side of our experience, allows to clear our sources, formation history, intrinsic qualities and distinguish features. Technologies including modern digital media technologies, open for the human himself, acting as the instrument of self-knowledge. The human is in the dark of relative what feelings are available to him as they can be worried what they will be directed to until models of these feelings aren't shown to him by means of the technical devices used by him. The analysis of technology forms of sensual experience opens a way to understanding of a modern situation of expansion of mediareality that pretends to be our life-world.

Keywords: sensuality, mediareality, writing, photography, optical media, technology

References

- Aristotle. "Ritorika" [Rhetoric], trans. by N. Platonova, in: *Antichnye ritoriki* [Ancient Greek rhetoric], ed. by A.A. Taho-Godi. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1978, pp. 15–164. (In Russian)
- Auerbach, E. *Mimesis: izobrazhenie dejstvitel'nosti v zapadnoevropejskoj literature* [Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature], trans. by Al. V. Mihajlov. Moscow: Progress Publ., 1976. 556 pp. (In Russian)
- Beme, G., Van den Daale, V., Kron, V. "Scientifikacija tehnik" [Scientification of technique], trans. by C. G. Arzakanjan, V. G. Gorohov, Ju. B. Tuptalov, A. O. Sejdalinaja, in: *Filosofija tehniki v FRG* [Philosophy of technique in West Germany], ed. by N. Ignatovskaja, V. Leont'ev. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 104–131. (In Russian)
- Bibihin, V. V. *Les* [Forest]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011. 425 pp. (In Russian)
- Boltz, N. *Azbuka media* [ABC of media], trans. by L. Ionin, A. Chernyh. Moscow: Evropa Publ., 2011. 136 pp. (In Russian)
- Descartes, R. "Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravljat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah" [Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences], trans. by G. G. Sljusarev, in: R. Descartes, *Sochinenija* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1989, pp. 250–296. (In Russian)
- Hadot, P. *Duhovnye uprazhnenija i antichnaja filosofija* [Spiritual exercises and ancient philosophy], trans. by V. P. Gajdamak. Moscow; St. Petersburg: Stepoj veter Publ., Kolo Publ., 2005. 320 pp. (In Russian)
- Hegel, G. W. F. *Filosofija istorii* [Philosophy of history], trans. by A. M. Voden. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. 480 pp. (In Russian)
- Herodotus. *Istorija v devjati knigah* [History], trans. by G. A. Stratanovskij. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 600 pp. (In Russian)
- Kirsh, D., Maglio, P. On distinguishing epistemic from pragmatic action, *Cognitive Science*, 1994, Vol. 18, No. 4, pp. 513–549.
- Levi-Strauss, K. *Pechal'nye tropiki* [Tristes Tropiques], trans. by G. A. Matveeva. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 220 pp. (In Russian)
- Merleau-Ponty, M. M. *Fenomenologija vospriyatiya* [Phenomenology of perception], trans. by A. Markov, D. Kalugin, L. Koryagin. St. Petersburg: Yuventa Publ., Nauka Publ., Gallimard Publ., 1999. 603 pp. (In Russian)
- Plato. Fedr [Phaedrus], trans. by A. N. Egunova, in: Plato, *Sobranie sochinenij* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1993, pp. 135–191. (In Russian)
- Plato. "Timej" [Timaeus], trans. by S. S. Averincev, in: Plato, *Sobranie sochinenij* [Works], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ. 1994, pp. 421–500. (In Russian)

Schadewaldt, W. “Ponyatiya ‘priroda’ i ‘tehnika’ u grekov” [Notions of “nature” and “technique” in Ancient Greek culture], trans. by C. G. Arzakanjan, V. G. Gorohov, Ju. B. Tuptalov, A. O. Sejdalinaja, in: *Filosofija tehniki v FRG* [Philosophy of technique in West Germany], ed. by N. Ignatovskaja & V. Leont’ev. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 90–103. (In Russian)

Shtekli, A. Je. *Galilej* [Galileo]. Moscow: Molodaja gvardija Publ., 1972. 384 pp. (In Russian)

Simmel, G. “Sozercanie zhizni. Chetyre metafizicheskie glavy” [The View of Life: Four Metaphysical Essays], trans. by M.I. Levinoj and A.M. Rutkevicha, in: G. Simmel, *Izbranoe* [Selected works], Vol. 2. Moscow: Jurist Publ., 1996, pp. 7–185. (In Russian)

St. Augustine. *Ispoved’* [Confessions], trans. by M. E. Sergeenko. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 371 pp. (In Russian)

Virilio, P. *Mashina zreniya* [The Vision Machine], trans. by A.V. Shestakova. St. Petersburg: Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 2004. 144 pp. (In Russian)